

Лежень Михаил Юрьевич

Музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие», г. Коломна, МО

Lezhen Mikhail

Museum-residence «Artkommunalka. Erofeev and Others», Kolomna, MO

АРХИТЕКТУРА И КОНСОЛИДАЦИЯ: МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ARCHITECTURE AND CONSOLIDATION: MEGALYTICAL MATRIX

В статье представлена гипотеза происхождения символической пространственной формы как таковой: опровергая аксиому о жилищном происхождении зодчества, она усматривает потребность социальной консолидации в качестве объективного источника и движущей силы архитектурного формообразования. Семантический анализ простейших первобытных «психологических» камней (мегалитов) и логический метод «чёрного ящика» позволяют выявить уникальный механизм социального сплочения, эффективную духовную матрицу, воспроизводящую человеческое объединение на понятийном уровне, замещающем собой врождённый «социально-биологический» инстинкт. Возникающая при этом функциональная модель архитектурного формообразования даёт, с одной стороны, инструмент исторического анализа зодчества, а с другой – методические и профессиональные приложения в отношении актуальной архитектурной практики. Логическим выводом исследования является дефиниция архитектуры как социального института консолидации и, следовательно, основополагающего национального проекта.

The article presents the hypothesis of the origin of the symbolic spatial form as such: by contradicting the axiom about the housing origin of architecture, it considers the need for social consolidation as an objective source and driving force of architectural shaping. The semantic analysis of the simplest primitive «psychological» stones (megaliths) and the logical method of the «black box» make it possible to reveal a unique mechanism of social cohesion, an effective spiritual matrix that reproduces human unification at the conceptual level, replacing the congenital «social-biological» instinct. The resulting functional model of architectural shaping gives, on the one hand, the tool of the historical analysis of architecture, and on the other hand, methodical and professional applications with respect to actual architectural practice. The logical conclusion of the study is the definition of architecture as a social institution of consolidation and, consequently, of the fundamental national project.

Ключевые слова: символическое строительство, архитектурная форма, социальное конструирование, общество, национальная идея, культ, общественный центр, институт консолидации, мегалиты, менгир.

Keywords: symbolic construction, architectural form, social construction, society, national idea, cult, social center, institution of consolidation, megaliths, menhir

«Первой целью таких самостоятельных самих по себе сооружений является возведение здания, которое служит объединением для нации или наций; это место, вокруг которого они собираются» (Гегель [1]).

Очевидно, что архитектура создаётся обществом. Но не так очевидно, что само общество создаётся архитектурой. Так бывает, если вспомнить про птицу и яйцо...

Каменный монолит высотой с шестизэтажный дом, поднятый по человеческой воле тысячи лет назад, рухнул оземь, разлетевшись на атомы. Из них возникла архитектура всех времён и народов: под открытым небом на наших глазах работает удивительный механизм, превращающий живое чувство, химию личных эмоций в связующий элемент и ткань общественного объединения. Архитектура вмещает не людей, а их единомышленников. И сегодня её миссия неизменна: солидарность, а не кров!

Причиной падения величайшего из менгиров стала, возможно, строительная деятельность

неподалёку. Трудяга-сурок вырыл замысловатую нору, создавая многоэтажное жильё со множеством функций. Это и кров, и убежище, и спальные комнаты, и гнездо-роддом, и даже гигиенические залы... Никто уж не знает, как было на практике, но в теории одно строительство действительно подорвало другое. Сурок был понят и оправдан: человеку свойственны те же самые потребности и тот же – строительный – способ их удовлетворения. Но ни логические, ни археологические поиски не обнаружили потребность, породившую менгир. А вместе с ней – и потребность символического строительства в целом. Её стали объяснять эволюцией строительства сурка.

«С тех пор, как человеку понадобился кров, возникла архитектура» [2]. Вот от Витрувия

Рис. 1. Самый большой в Европе менгир Мен-ер-Нроеч (Menhir d'Er-Grah), Франция (фото: wikimedia.org)

до Ле Корбюзье фундаментальная аксиома архитектурной науки, фактически утверждающая, что символическая форма возникает из утилитарной потребности. Однако эта логическая конструкция построена на песке. Подобно мышцам языка, служащим как усвоению пищи, так и речеобразованию, строительство производит как утилитарные, так и символические формы – формы сознания. Использование одного инструмента в разных целях совсем не означает их родства. Никому ведь не придёт в голову сказать, что словесность возникает из пищеварения. Но никого не смущает подобный тезис, заложенный в качестве обоснования зодчества.

Не может быть! Однако, согласно «Десяти книгам об архитектуре», написанным ещё в I в. до н. э., после овладения огнём, начала «сходбища людей» и «взаимной речи», люди стали «делать шалаши из зелёных ветвей, другие – рыть в горах пещеры, а иные, подражая гнёздам ласточек и приёмам их построек, – делать себе убежище из глины и веток... наблюдая чужие жилища и прибавляя к своим выдумкам новые, они день ото дня строили всё лучшие и лучшие виды хижин... Постепенно восходя от постройки зданий к остальным искусствам и наукам, они после грубой и дикой жизни достигли мягкости нравов». И наконец, люди «получили вкус к изящному и, развив его искусствами, стали украшать жизнь роскошью» [3]. В сухом остатке – завет на две тысячи лет: архитектура возникает из строительства хижин как их украшательство и роскошь (со всеми её синонимами – причуда, расточительность, излишество).

«А хоть и так, – кто-то скажет, – в чём проблема? Вот сурок строил-строил и, наконец, пришёл к изяществу форм, которое и можно назвать архитектурой. И так ли уж важно, откуда она, собственно архитектура, происходит, или что есть она, когда для практики вполне хватает интуиции и прикладной науки о том, как её сделать? Какое дело земледельцу, собирающему хороший урожай, на каких слонах или китах стоит земля? Да и кита издревле добывали, принимая за рыбу». Действительно, пока заказ на *архитектурного кита* формируется интуитивно, он по умолчанию отражает потребность, в том числе, и другого, символического, строительства – даже если его истинный смысл никак не определён. Так, обращаясь к «божественному уму и воле императора», тот же Витрувий с чувством говорит о «строениях, соответствующих величию его деяний» [3]. А это, согласимся, а priori, задача не просто крова над головой! И не такую задачу решают престижные виллы Корбюзье, к которым, скорее, применима фраза Барбаро: «Более красивые, более обширные и удобные жилища даются тем, кто у этих народностей занимает высшее положение» [4].

Но однажды *бессмысленно чудесному*¹ приходит конец. Возмущённый разум, обнаружив, что формы зодчества затратны, закрепляет на уровне государственной политики понятия архитектурного излишества и даже извращения [5]. Архитектура в целом начинает восприниматься как

¹ «Я так бессмысленно чудесен, Что Смысл склонился предо мной!» (Слова и из стихотворения «Интродукция» И. Северянина).

Рис. 2. Менгир Шан-Долан (*menhir de Champ-Dolent*), Бретань, Франция (фото: [pinterest.com](https://www.pinterest.com))

необязательная роскошь и блажь – хотя именно это и следует из её жилищно-витрувиевской трактовки. И тогда обнажаются ступор и крах академических теорий, несостоятельность всей этой «пользы-прочности-красоты», всей «застывшей музыки». И тогда сурки начинают учить: «Вместо двух красивых домов мы построим три типовых, и заселим больше людей. Спрашивается, на каком основании социум может (и тем более должен) жертвовать, отрезать от себя во имя каких-то психологических задач?»

Всё дело в том, что сам социум для начала должен быть. И за это отвечает архитектура, тот самый красивый дом. Забегая вперёд, к такой логике приводит выдвигаемая здесь гипотеза. Однако, оглядываясь назад, – государство, упразднившее архитектуру, само разваливается на части, как упавший менгир... Кто-то скажет – простое совпадение... Однако, прецедент – исторический – создан, и вызов – теоретический – брошен: архитектуру, как понедельник в известной песне, можно взять да отменить?

Беспомощность жилищной концепции архитектуры, проявившая себя с такой наглядностью, возвращает нас к феномену другого строительства, к практике весьма неудобной, непопулярной и часто опускаемой в книгах по архитектурной истории, к ритуальным сооружениям доисторической

эпохи, лишь снисходительно упоминаемым как «не имеющие почти никакого архитектурного значения» [6]. Многие из таких строений, хорошо сохранившиеся до наших дней, при всей очевидности их символического происхождения, кажутся почти неприступными в расшифровке заложенного в них смысла. Другие, частично или полностью разрушенные, несут, однако, бесценную информацию благодаря дошедшим до нас описаниям и преданиям.

Впечатляющим свидетельством такого рода является рассказ Геродота о скифских культовых захоронениях, в котором персидский властитель Дарий (522 – 486 г. до н. э.), тщетно преследовавший кочевников, предлагает их царю, наконец, сразиться или признать его власть. На что тот отвечает: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет» [7].

Вот где предел понимания сурка! Люди возводят сооружения, в которых не живут, но за которые готовы умереть. «В... обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши... После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причём наперерыв стараются сделать его как можно выше... 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи... Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят» [7].

Рождённые отнюдь не из вкуса к роскоши или мягкости нравов, а из жёсткого ритуала и какой-то сверхзадачи, поражающей своей обязательностью, эти обрядовые предметно-пространственные воплощения, сопряжённые с другими формами культа (жертвоприношение и прочие ритуальные действия, магические одеяния, утварь, танцы, песнопения, маски, татуировки и т.д.), оставляют всё же открытым вопрос об их объективной целесообразности. «Самые варварские или диковинные обряды, самые странные мифы выражают какую-то человеческую потребность, какой-то аспект жизни, либо индивидуальной, либо социальной. Причины, которыми обосновывает их сам верующий, возможно, а чаще всего и действительно,

ошибочны. Но истинные причины тем не менее существуют, и дело науки – раскрыть их», – писал Эмиль Дюркгейм [8].

Ключом рационального объяснения такого культового комплекса и, прежде всего, культового строительства служит, на наш взгляд, идея, высказанная Г.В.Ф. Гегелем в его «Эстетике». В разделе «Архитектурные сооружения, возведённые для объединения народов», он, опираясь на сказание о вавилонской башне, пишет: «...Люди возводят чудовищное по размерам архитектурное сооружение; они строят его сообща; общность, проявившаяся в его построении, становится вместе с тем содержанием и целью сооружения. И это возникновение общественного союза не носит характера чисто патриархального объединения. Напротив, чисто семенное единство как раз упразднило себя, и эта поднимающаяся в облака башня есть объективация этого распавшегося прежнего объединения и реализация нового, развитого объединения». И дальше: «Копание земли, складывание вместе каменных глыб и как бы архитектоническая обработка почвы играли такую же роль, какую играют у нас нравы, привычки и установленное законом государственное устройство» [1].

С такой целесообразностью трудно не согласиться. Общество – источник всей цивилизации и всего человека. Но оно, в отличие от биологических содружеств, не образуется само по себе. Постепенное с доисторических времён раскрепощение разума, нарастание броуновского движения мысли, связанное с развитием речи, приводит к потребности конструирования и строительства общественного объединения на новых основаниях, отличных от врождённого инстинкта и заменяющих собою последний. Как ответ возникают разнообразные религиозно-психологические практики, состоящие в принципе из двух элементов: объединительной идеи и культа, утверждающего её в головах людей. На правах консолидирующего инструмента культ получает исключительные полномочия на любые – абсолютно любые! – жертвы и издержки в свою пользу.

Таким образом, всё историческое разнообразие культовых форм, от первобытного шаманства до развитых религий и идеологий, находит своё атеистическое, научное объяснение. Они являются институтом общественного объединения, механизмом утверждения конституирующей идеи. И это психологическое (в широком смысле) строительство является отнюдь не надстройкой над *arbeiten*²,

² *arbeiten* (нем.) – работать, трудиться.

не факультативным мероприятием по достижении сытости, а базовым условием самого труда со всем его феноменальным продуктом. Отсюда вырастают цель и объяснение психологически направленной предметно-пространственной формы, потребность архитектурной деятельности, как разновидности культа объединительной идеи.

Но эта величайшая, как нам показалось, потребность, имеет, по мысли Гегеля, лишь эпизодический характер. Ибо от «сооружений, возведённых для объединения народов», через «промежуточные этапы» происходит переход к «зодчеству в собственном смысле, служебному зодчеству». И, взирая с позиций последнего на огромные египетские скульптуры, употребляемые в качестве колонн, автор «Эстетики» уже произносит: «Это излишняя роскошь, поскольку их назначением не является поддержание в собственном смысле» [1]. Как видно, сурок здесь опять побеждает, и целесообразность образной формы вновь измеряется утилитарной целью. Логически от такого Гегеля до советского разгрома «ничем не оправданных башенных надстроек, декоративных колоннад и портиков» рукой подать! Характерно, что слова об излишестве символических форм возникают сразу же при утере философом им же обнаруженного ключа – функции социального сплочения – для их толкования. Но разве бывает так, чтобы сущность вещи, в данном случае архитектуры, менялась в процессе её развития? Подобно тому, как наличие молочных желез образует единство всех млекопитающих от 3-сантиметровой летучей мышки до 200-тонного синего кита, мы полагаем здесь, что функция консолидации является неизменным атрибутом и сущностной константой всех архитектурных форм.

Консолидирующие камни? Но как вообще это можно вменить бессловесной предметно-пространственной форме? В поисках ответа обратимся к менгиру, отдельно стоящему колоссу, уже своей композицией отсекающему соблазн видеть во внутреннем пространстве атрибут зодчества³. Являясь наипростейшим строением в своем роде, он, пожалуй, лучше других подходит на роль модели-прообраза интересующего нас механизма. Из известных камней такого рода наибольшим является Мен-ег-Нгоеч (Камень Фей, Локмариакер, Франция). Распавшийся на куски в XVIII столетии, в целом виде он при весе 350 т достигал 20 м в высоту. Высота других выдающихся менгиров: 12 м

³ По выражению Гегеля, «это архитектурное сооружение... поскольку в нём существуют комнаты и залы...» [1].

(Керлоас в Финистере); 11,2 м и 10,3 м (менгиры в Каелонан и Пергаль). Не затрагивая подробной географии этих сооружений, выходящей далеко за мегалитические центры Бретани и Британии, отметим, что главной трудностью в объяснении этих камней, распространившихся, предположительно, с 4-5 тысячелетия до н. э., считается неизвестность тех смыслов и идей, которые в них вкладывали их создатели. И которые, как мы видели у Дюркгейма, являются лишь субъективным мотивом, но не истинной причиной.

Представляя себе усилия, необходимые для возведения таких мегалитов, можно сравнить их вес и размеры с 25-метровым стволом Александровской колонны в Санкт-Петербурге. Даже учитывая несомненный инженерный прогресс к 1832 году, возведение русской колонны потребовало, по свидетельству очевидцев, единовременного участия 2400 (!) человек. Говоря о менгире в этом контексте, – а так ли уж важно для нас знать содержание идеи, вдохновившей целое племя или несколько племён на столь грандиозное строительство? Позаимствовав у физиков логический метод⁴, мы можем обозначить всё разнообразие возможных мотивов – от поклонения умершему вождю до всякого рода тотемных, сакральных, культовых смыслов – обозначить их как неизвестное в чёрном ящике. Скажем, пусть это будет идея *i*.

Отметим, что главным внешним атрибутом этой идеи при любом её субъективном содержании является её общезначимость – качество, объединившее психологически и как следствие физически участников строительства. Подобно преобразованию теплового, хаотического, движения в направленное кинетическое, общая идея превращает сознание индивидов в фактор сложения сил, в материальную энергию, буквально сдвигающую гору у них на глазах и позволяющую им ощутить себя частью могучего организма. Воплощая собой такую идею, поднятый исполнители обретают сакральный, почти волшебный статус первопричины социального объединения.

Через камень субъективная идея *i* возвращается в сознание человека как новая грандиозная реальность, магический смысл и его собственная первопричина – в той мере, в которой он сам является производным от социального объединения. Субъективная *i* превращается в объективную, объективированную и чудотворную.

С семантической точки зрения менгир представляет собой камень-текст. Это условно-договорное,

⁴ Метод чёрного ящика

понятное всем содержание (*i*), воплощённое, однако, не в звуках, буквах, или иероглифах, а в мону-ментальном предметно-пространственном знаке. Именно в силу своей колоссальности он способен не только обозначать этот текст, но и воздвигать его рейтинг на верхнюю полку сознания. Перед нами – абстрактная сама по себе форма престижа, смысл которой раскрывается из контекстного знания. Посредством такой формы любая в принципе идея-мотивация способна обретать исключительный – сакральный – статус, создавая ориентированную на неё смысловую иерархию и образуя таким образом семантическое поле человеческого содружества.

$$i > \dot{i} > 1 \dot{1} 1 1$$

Очевидно, чем внушительнее место занимает эта идея (система идей) в головах людей, тем сильнее сплочение коллектива вокруг этого центра (центра общества = общественного центра), тем стабильнее это общество изнутри, и тем сильнее оно вовне. В свете таких результатов на выходе из *чёрного ящика*, менгир предстаёт уникальным изобретением – действенной машиной социального сплочения, духовной матрицей, воспроизводящей человеческое объединение на новом, понятийном, уровне. И эта символическая, архитектурная машина начинается не там, где кончается «машина для жилья» [2], а там, где кончается машина биологического сообщества. Историческое значение такого ноу-хау трудно переоценить! Однако, на наш взгляд, обнаруженный здесь механизм представляет собой и функциональную модель архитектурного формообразования в целом. Она может быть выражена следующей формулой:

идея-камень-ИДЕЯ.

Теперь, когда кажется уже, что само слово «архитект-ура» говорит «ура!» содружеству созидающих её людей, а «главный строитель» звучит как «строитель глав» – общественного сознания... теперь, убедившись в существовании собственной миссии символической формы, мы должны объяснить, каким образом она способна сожительствовать с формой утилитарной в одном и том же сооружении. Возвращаясь к нашей аналогии с языком, строительный процесс можно сравнить с беседой во время застолья. Иногда трапеза – только повод

для общения и разговоров. Иногда – «когда я ем, я глух и нем». Но чаще – это совмещение... причём, даже не приятного с полезным, а полезного с *необходимым*.

По сути, первый элемент нашей формулы (*идея*) берётся утверждать, что для запуска социально необходимой архитектурной машины нужен своего рода строительный стартёр – ясная для всех мотивация, идея *i*, практический повод, который на поверку оказывается той или иной социальной функцией, жизненным процессом или явлением. Субъективный смысл этих потребностей и есть та валентность, то психологическое начало, которое дальше через пространственные формы престижа превращается в клей и цемент социального объединения.

Так, потребности жилья, здравоохранения, образования, переправы через реку, отправления культа, памятника, захоронения, зрелищ, спорта, гигиены, производства, отдыха, дороги и т.д., образуют строительно-утилитарную типологию, которая имеет шансы стать типологией архитектурной – в зависимости от их идейно-культурного статуса. Последний определяется или даже распределяется сверху содержанием ИДЕИ (третьего элемента формулы). Например, потребность жилья, сама по себе безыдейная, так или иначе, способна удовлетворяться обычным (не психологическим) строительством. Это относится к жилищам животных – термитникам, муравейникам, птичьим гнёздам, бобровым хаткам, медвежьим берлогам и т.д. А также – к внестатусному жилью человека, зачастую ютящемуся в трущобах, хижинах, шалашах, бараках, бытовках, временках, а также в домах, вполне пригодных, чтобы называться машиной для жилья, но обойдённых заботами архитектора. Такую машину (например, дома серии К-7) в состоянии создать инженер-строитель.

Однако, попадая в пространство престижей, жильё становится лифтом социального статуса и, как магнит, притягивает архитектурный аппарат. И на свет появляются дворцы и виллы, усадьбы и особняки, пентхаусы и просто апартаменты со скромным обаянием роскоши. В зависимости от конкретики, предложенная выше формула может наполняться различным содержанием.

Например: {жильё} - {дворец} - {ЦАРЬ, обожествлённый правитель}. По этой же логике распространение божественного статуса на весь столичный город превращает его в архитектурный мегаобъект (например, город святого Петра).

В свою очередь смена конституирующей идеи приводит к изменению архитектурной типологии. Так, весь восхитительный арсенал строений, воплощавших ценности древнегреческой демократии, все эти украшенные статуями мраморно-ордерные эkkлесиастерии и булеветерии, гимнасии и стадионы, пинакотеки и мусейоны – все они не только исчезают как архитектурный тип в средние века, но уже в эпоху римской империи с запретом языческих культов (в том числе, олимпийских игр) постепенно замещаются христианскими храмами, зачастую подвергаясь намеренному разрушению. Можно даже сказать, что практика уничтожения культовых (в широком смысле) строений является оборотной стороной их идейности.

Хотя и в прямом смысле (подобно металлу, дереву, стеклу и т. д.) слово *камень* отражает материал и хлеб зодчества, в нашей модели оно означает нечто гораздо большее. А именно – архитектурную форму во всей ёмкости этого понятия: совокупность психологически направленных предметно-пространственных овеществлений, выражающих социальный статус той или иной строительной потребности.

И здесь красота, даже понятая как гармония гармоний и дисгармоний, – только одна из возможных стратегий, в которых зодчество и реализуется как искусство. Нежнейшие поэтические проявления или концептуальный юмор зачастую конкурируют в наши дни с арсеналом проверенных и надёжных средств (объёмно-пространственная композиция, качество работ, роскошь материалов), или разные подходы сочетаются в поисках новой выразительности. Архитектурная форма следует не функции, а престижу функции: в зависимости от величины последнего её – как психологической материи – может быть больше или меньше... или не быть совсем.

ИДЕЯ – это то самое «святое», которое, по словам Гёте, «связует много душ», и содержание которого исторически меняется, как голова на римском памятнике. Раньше культ, теперь культура воспитывают в сознании людей объединяющую их систему ценностей, так называемую национальную идею. Предметно-пространственной формой такого воспитания является архитектура. Слово **ИДЕЯ**, выделенное шрифтом при написании нашей формулы, требует, однако, синонимов для устного применения. Пожалуй, лучше других для этого подходят словосочетания, уже употреблённые ранее: **ИДЕЯ** = национальная идея = общественный центр.

Эмиль Дюркгейм, говоря о том, что «религия – это единая система верований и действий... объединяющих в одну нравственную общину... всех тех, кто им привержен» [8], и о том, что практический анализ этой системы зачастую не так прост, восклицает: «Возьмём религии Египта, Индии или классической древности! Это запутанное переплетение многочисленных культов, меняющихся в зависимости от местности, храмов, поколений, династий, вторжений и т. д.» [8]. В наши дни государственные религии на карте мира едва заметны, но вряд ли можно усомниться в существовании альтернативной – светской – системы идолов и кумиров.

Эпоха кино и автомобиля, названная Бастером Китом «age of speed, need and greed»⁵, ещё откровеннее предстаёт в словах Ле Корбюзье: «Свобода! 1919 год. В Париже занялась заря новой великой религии: бизнес! Добывать деньги, побольше денег – всё к этому сводится...» [2]. Его сарказм по поводу ветшания лозунгов Французской Республики имеет свои основания: «Свобода, Равенство и Братство», сменившие девиз самодержавия «Бог, Король и Отечество», сами сменяются новым поверьем: money makes the world go round⁶. Город-казино, торговый центр, растворяющийся в небе – вот храмы консолидирующей мечты с обширной прихрамовой территорией.

Но нельзя, конечно, не видеть проявления и другого, более доброжелательного, культа: «Искусство... делает своим новым святым *Человека* (Humanus), глубины и высоты человеческой души как таковой, общечеловеческое в его радостях и страданиях, в его стремлениях, деяниях и судьбах» [9]. В проекции на зодчество это означает почти безграничное расширение статусных потребностей: вся среда жизнедеятельности становится культовым (религиозным в новом смысле слова) поводом для архитектурного формообразования: {среда} – {архитектура} – {человек}.

Однако, приняв это, мы должны принять и обратное. Нетронутость обширных территорий в части архитектурно-средового подхода говорит о том, что гуманизм не является ещё мерой всех вещей и материализованной в этом пространстве объединяющей ценностью. Но что является? Продолжающиеся поиски национальной идеи оставляют простор для фантазии...

Попытка футуристического приложения ис-
5 «Век скорости, нищеты и жадности». Титры к фильму Бастера Китона Три эпохи (Three Ages), 1923.

6 «Деньги вращают мир», англ., слова из песни Money, к/ф Кабаре, 1972.

следуемой архитектурной модели позволяет – чисто теоретически – представить в роли такой идеи поэтические слова о том, что наша «земля – это наша душа»⁷. Понятные и близкие каждому, они передают ощущение своей территории, своей земли как сакрального объекта, того самого скифского центра самоидентификации, который почти сразу обнаруживает себя в момент внешней опасности. Но, видимо, это исконное чувство в мирные времена может и, прагматично рассуждая, должно попадать в зону культовых устремлений, включая культ предметно-пространственный, архитектуру. В результате – страшно подумать! – реки и поля могут стать чистыми, а поселения – благоустроенными... метр за метром, улица за улицей, дом за домом. Конечно, это большая работа. Но игра стоит свеч, когда общество строит себя.

Такую логику вселяет приведённая здесь концепция. Оппонируя расхожей и, было дело, узаконенной фразе об архитектурном излишестве, она усматривает в зодчестве фундаментальное общественное учреждение и, говоря современным языком, важнейший национальный проект. Архитектура – это институт консолидации, воплощённый в предметно-пространственной форме. Это строительство общественного центра – объединительной идеи – в головах людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гегель. Эстетика. Т. 3. М.: Искусство, 1971.
2. Ле Корбюзье, Архитектура XX в. М.: Прогресс, 1977.
3. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1936.
4. Барбаро Даниеле, Комментарий к десяти книгам об архитектуре Витрувия. – М.: Изд-во Академии архитектуры, 1937
5. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».
6. Флетчер Банистер. История архитектуры, составленная по сравнительному методу. Вып. I. Древняя архитектура. С.-Петербург: Бекеръ, 1913.
7. Геродот. Истории в девяти книгах. Книга IV. Мелопомена. К.: Наукова думка, 1993. 576 с.
8. Дюркгейм Эмиль. Элементарные формы религиозной жизни. Антология Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1998
9. Гегель. Сочинения, том XIII, Лекции по эстетике. Книга вторая. Третий отдел. Романтическая форма искусства. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.

7 Владимир Высоцкий. Песня о земле. 1969.

REFERENCES

1. G.W.F. Hegel, *Aesthetics*, vol. 3. – Moscow: Iskusstvo, 1971 (in Russian)
2. Le Corbusier, *Architecture of XX century*. – Moscow: Progress, 1977 (in Russian)
3. Vitruvius (Marcus Vitruvius Pollio). *De architectura* (Ten Books On Architecture). – Moscow: Publishing House of the Academy of Architecture, 1936 (in Russian)
4. Daniele Barbaro, *Commentary on the ten books of Vitruvius architecture*. - Moscow: Publishing House of the Academy of Architecture, 1937 (in Russian)
5. Resolution of the CC CPSU and the USSR Council of Ministers, 1955. *The removal of extravagances in design and construction* (in Russian)
6. *A History of Architecture on the comparative method, for the student, craftsman, and amateur*. Fifth edition, revised and enlarged by Banister F. Fletcher. London, B.T. Batsford, 1905.
7. Herodotus, *The Histories*. Book 4: Melpomene. NY: Simon and Shuster, 2015.
8. Emile Durkheim. *The Elementary Forms of Religious Life* (French: *Les formes élémentaires de la vie religieuse*), 1912.
9. G.W.F. Hegel. *Aesthetics. Lectures on Fine Art* (German: *Vorlesungen über die Ästhetik*) trans. T. M. Knox, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1975.

Для ссылок: *Лежень М.Ю.* Архитектура и консолидация: мегалитическая матрица // *Innovative project*. 2017. Т.2, №1. С.36-43. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.4

For references: *Lezhen M.Yu.* Architecture and consolidation: megalithic matrix // *Innovative project*. 2017. Vol.2, No 1. pp. 36-43. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.4